

— Ты, блядь...

— Что происходит! Почему такой шум во время урока?!

Вэнь Суй не поднимая глаз, листал учебник с невозмутимостью горы, не обращая внимания на гневные крики учителя, не отвечая на лживые обвинения парня за соседней партой. Фарс закончился, когда староста класса вышел вперед и объяснил, что произошло. Как и ожидалось, после урока Вэнь Суя вызвал к себе классный руководитель.

— Вэнь Суй, я уже разобрался в ситуации и понимаю, что ты расстроен. Но когда возникают проблемы, нужно обращаться к учителю. Такие действия только усугубляют конфликт, вредят сплочённости класса и не решают проблему.

Типичное поведение миротворца. Вэнь Суй пропустил эти слова мимо ушей. Теперь он был практически уверен, что у прежнего Вэнь Суя не было друзей в школе, над ним часто издевались, а Вэнь Цунцзянь и Лян Шу, похоже, ничего об этом не знали. Но это не означало, что Вэнь Суй будет и дальше терпеть такое отношение. Если здесь никто не заботился об оригинальном владельце, ему не нужно было притворяться, что всё осталось как раньше.

Следующие несколько уроков прошли спокойно, Вэнь Суй весь день сидел на учебнике того хулигана. Он чувствовал исходящую от парня ярость и не верил, что тот отступит. На всякий случай Вэнь Суй решил быть начеку. Когда закончился последний урок, классный руководитель разрешил не оставаться на вечерние занятия и сказал идти домой — Лян Шу уже ждала его у ворот школы.

— Вэнь Суй, если тебе тяжело учиться, лучше какое-то время побудь дома.

Классный руководитель говорил с искренним беспокойством — он давал этот совет уже второй раз за день. Впервые он сказал об этом утром в учительской, когда объяснял Лян Шу, что учебная программа второго года старшей школы очень важна, и, если Вэнь Суй не будет успевать, это сильно повлияет на его результаты на выпускных экзаменах. Он советовал взять академический отпуск. Тогда Вэнь Суй не придавал этому значения, но теперь, обдумывая тон и выражение лица учителя, он вдруг понял: учителя явно не хотели, чтобы он возвращался в школу. Здесь над ним либо издевались, либо относились как к фрику. Никто не интересовался

его состоянием, его трудностями, по умолчанию считая, что должен подчиниться ситуации. Вэнь Суй переживал, что его «амнезия» испортит отношение ребят и учителей к прежнему Вэнь Сую... Похоже, он зря волновался. Даже если бы он стерпел инцидент с чернилами, ситуация вряд ли изменилась бы.

— Хорошо. До свидания, учитель, — Вэнь Суй наконец вспомнил слова, которые Лян Шу повторяла ему весь день.

Затем на глазах у классного руководителя он достал из парты свой покрытый чернилами, потерявший первоначальный цвет рюкзак, засунул туда почерневшие учебники и, под изумлёнными взглядами одноклассников, спокойно вышел из класса. Осознать реальность — одно, решить, что делать дальше — другое. Вэнь Суй хотел мира и покоя, но, как говорится, дерево желает покоя, да ветер не утихает. Едва он вышел на спортивную площадку, как ему преградили дорогу какие-то наглецы.

— Эй! Учитель велел нам извиниться перед тобой, куда ты смылся?

Тот парень с передней парты и два его приятеля. Ничего удивительного.

— Ой-ой, ты всё ещё злишься? Из-за каких-то чернил?

Парень сощурился, покачивая бутылкой колы, намеренно размахивая рукой перед своим носом:

— Надо сказать, запах довольно сильный. Как это называется? Дух знаний? Вполне подходит к твоей смазливой мордашке.

Вэнь Суй нахмурился и многозначительно поджал губы, засунув руку в карман.

— Дай-ка я тебя спрошу, — не унимался парень, подходя ближе. — Ты что, правда мозги себе

отшиб? Насколько сильно?

Вэнь Суй промолчал, бросив холодный взгляд на школьные ворота неподалёку. Он уже собирался развернуться, но перед ним возникла рука.

— Не игнорируй нас. Так отупел, что говорить разучился? Тогда покажи нам свою справку об инвалидности. Если всё действительно серьёзно, мы, одноклассники, позаботимся о тебе. Правда, ребята?

Двое других захихикали. Однако в следующую секунду им стало не до смеха, потому что их лидер вдруг закричал от боли. Никто не понял, что произошло. Он вдруг споткнулся, правая нога словно превратилась в желе, тело потеряло равновесие, он откинулся назад и с шумом плюхнулся на землю, задрал ноги кверху. Как в замедленной съёмке он кричал от боли, а его лицо исказилось гримасой.

— Больно! Больно-больно-больно!

— Что с тобой? Судороги?

— У м-меня нога онемела, чёрт! Я не могу встать, не тяните меня!

Пока эти трое барахтались на земле, Вэнь Суй как ни в чём не бывало обошёл их и продолжил свой путь.

— Эй, это синяк? Похоже, внутреннее кровоизлияние!

— Ты, наверное, где-то ударился?

— Нет!

Даже удар распознать не могут, но смеют вести себя как хулиганы. Вэнь Суй сунул руку в карман и, нащупав там половинку ластика, издал тихий смешок. Не скажи тот парень последней фразы, может, всё бы и обошлось. Но раз уж сказал — пришлось их проучить.

— Вэнь Суй! Это ты?!

Парень на земле наконец вспомнил, что на месте происшествия был ещё один человек, но был настолько взволнован, что не мог найти в себе смелости задать ему вопрос.

— Брат, как это может быть он? Да и чем он мог тебя ударить?

— Точно, ты, наверное, где-то сам упал...

— Упал?! Да чтоб я сдох! Вы что, ослепли?! Если бы я упал, разве я бы сейчас не мог встать?! Если не он, то кто?! — парень сидел на земле, вне себя от ярости и бессилия, крича на своих друзей так, что те притихли.

«Не такой уж и глупый, — подумал Вэнь Суй. — Знает, что месть — блюдо, которое подают холодным».

Половинка ластика была слишком незаметной. Даже если бы она сейчас лежала рядом, никто бы не подумал, что такая маленькая и мягкая вещь может причинить кому-то боль. Школьный двор был ровным, без единого камня. Благодаря тренировкам в клубе за последние десять с лишним дней мышцы его рук окрепли. Хотя до прежней формы ему было ещё далеко, справиться с этим слабаком было проще простого. Главное — точно попасть по нужным точкам, и противник гарантированно окажется на земле.

— Ты, блядь, стой! Подонок, ты меня подловил!

Парень продолжал кричать, но Вэнь Суй лишь холодно усмехнулся и пошёл дальше, не обращая на него внимания. Вдруг он почувствовал неладное и резко отшатнулся, но было поздно — стеклянная бутылка мелькнула мимо его правого уха и ударила в висок. Лёгкая боль и головокружение распространились от места удара, постепенно усиливаясь. Вэнь Суй нахмурился и, не меняя выражения лица, повернулся к тому, кто бросил бутылку. Все трое застыли, боясь издать хоть звук.

Как и десятки раз на поле боя, Вэнь Суй не остановила рана. Казалось, порез на виске безобидное украшение. Его взгляд был ясным, совсем не таким, какой бывает у раненого человека. Тёмные зрачки, отражающие кроваво-красный закат, излучали необычайный холод. После гробового молчания кто-то наконец пришёл в себя и дрожащим голосом произнёс:

— Брат, ты... ты правда попал в него...

— Чего стоите? Бежим!

— Подождите меня!

Тот, кто только что валялся на земле, теперь хромая удирал со всех ног, то и дело оглядываясь. Вся его прежняя наглость испарилась, в глазах застыл ужас. Вэнь Суй сделал ещё несколько шагов и почувствовал, как какая-то вязкая жидкость стекает с его виска на веко, застилая обзор.

— Братец, братец, что с тобой?

Фигуры перед глазами расплывались, голоса и шаги стремительно удалялись вместе с остатками зрения. Вэнь Суй с силой ударился затылком о твёрдую землю, и потерял сознание.

Боль — та самая, которую он игнорировал, — теперь обрушилась на него со всей силой. К тому же его мутило. Сначала казалось, что он парит в воздухе, потом душа наконец соединилась с телом, и обрывки сознания вернулись в глубины мозга.

На мгновение перед глазами снова мелькнула брошенная в него стеклянная бутылка, разлитая тёмная жидкость, искажённое злобой лицо парня с передней парты... Всё это, как в калейдоскопе, пронеслось перед ним. Вэнь Суй открыл глаза, и мир вокруг завертелся. Тело слегка покачивалось, отчего желудок скрутило — он едва сдерживал рвотные позывы.

— Сяо Суй! Ты очнулся! Как себя чувствуешь? Где болит? Мы уже в больнице, скажи врачу, если тебя что-то беспокоит.

Лян Шу шла рядом с каталкой, задавая вопросы. Вэнь Суй хотел было приложить руку к больному месту на голове, но медсестра остановила его:

— Не двигайся.

Вэнь Суй вздохнул. Реальные голоса, реальные ощущения — он всё ещё находился в этом мире. Первой мыслью было, что хулиганы в каком-то смысле помогли ему: рана доказала, что самоповреждение не решит проблему. У него возникала такая идея, но, учитывая состояние тела оригинального владельца, он не решался пробовать. Вэнь Суй внутренне усмехнулся. Его вкатили в большой лифт. Рядом стояла Лян Шу с опухшими от слёз глазами. Кто-то обнимал её за плечи и утешал. Только тогда Вэнь Суй заметил, что Вэнь Цунцзянь тоже здесь. У каталки стояли также классный руководитель, тот парень с передней парты и странноватая пара средних лет, мужчина и женщина, вероятно, его родители.

Атмосфера в лифте была крайне напряжённой. Вэнь Суй чувствовал, что все эти люди держатся на пределе, и это продолжается уже не первый час. Когда каталку наконец вкатили в палату, кто-то не выдержал, и, как только дверь закрылась, снаружи вспыхнул скандал. Вэнь Суй различил голос Вэнь Цунцзяня. Он никогда не слышал, чтобы тот так злился, и не мог представить, что тот станет ругаться с кем-то в больнице.

Однако ссора быстро прекратилась, и снаружи снова стало тихо. Теперь отчётливо слышались обычные звуки больницы: кто-то перекладывал медицинские инструменты, пищали приборы.

Врачи и медсёстры сновали вокруг. Вэнь Суй вспоминал ту короткую, но бурную перепалку, в которой он различил рыдания Лян Шу. Неужели у неё опять... Внезапная острая боль вернула Вэнь Суя к реальности. Врач слегка надавил на рану у него на лбу:

— Сейчас начну обрабатывать, будет немного больно.

Выражение лица Вэнь Суя не изменилось, он даже не шелохнулся.

— Ты довольно стойкий. Здесь никого нет, можешь стонать, если станет очень больно.

Вэнь Суй всё так же молчал, глядя на белую лампу над головой. Врач не удержался и заметил:

— С таким упрямством неудивительно, что у тебя конфликты с одноклассниками.

Очевидно, ссора в коридоре пролила свет на некоторые детали произошедшего, но это была лишь часть правды. Вэнь Суй, как обычно, не хотел ничего объяснять, считая это лишним. Жжение антисептика перешло в онемение. Во время наложения швов он не чувствовал ничего, кроме неприятного стягивания кожи. Вэнь Суй чуть не задремал во время процедуры, думая лишь о том, как долго это всё тянется и как скучно быть таким беспомощным.

Вдруг медсестра удивлённо воскликнула:

— У него здесь ещё один шрам! Похоже, старая травма. Неужели он постоянно дерётся?

Врач тоже заметил это:

— Не похож на драчуна. Забияка скорее тот, снаружи.

Вэнь Суй встрепенулся. Что он сказал? Шрам?

— Я в прошлом месяце терял сознание, — неожиданно для себя произнёс он, вступая в разговор.

— В прошлом месяце? — врач наклонился, чтобы получше рассмотреть шрам.

Судя по тому, как медсестра убирала ему волосы, Вэнь Суй понял, что речь идет о шраме справа от новой раны. Осмотрев его, врач покачал головой:

— Не похоже. Этому шраму несколько лет, он явно не свежий. Может, ты поранился в детстве и забыл об этом?

Старый шрам, которому несколько лет... Сердце Вэнь Суя сжалось. Значит, это не связано с днём, когда он попал в этот мир. Медсестра продолжала подшучивать:

— Этот шрам хоть и не очень заметен, но его можно увидеть, когда умываешься. Тебе не было любопытно? Не спрашивал у родителей?

Вэнь Суй действительно не замечал его раньше — умываясь, он никогда не смотрелся в зеркало. Знал ли об этом прежний Вэнь Суй, он тоже не мог сказать. Но если шрам не связан с его появлением в этом мире, не важно откуда он. Наложив швы, врач попросил медсестру привезти инвалидную коляску. Когда ему помогли сесть, Вэнь Суй инстинктивно хотел сказать, что может и сам, но, увидев коляску, почему-то заколебался и согласился на помощь. Это было странное чувство.

Вэнь Суй положил руки на колёса, но медсестра уже катила коляску вперёд. Дверь палаты открылась, и в этот мимолетный момент, быстрый, как обман зрения миг, Вэнь Суй увидел человека, которого здесь не должно было быть. У двери стоял не Вэнь Цунцзянь и не Лян Шу, классного руководителя и того парня тоже не было. Там был Си Чжоу. За ним, на стуле для посетителей, сидел пожилой человек с тростью, который, увидев Вэнь Суя, добродушно ему улыбнулся:

— Молодой человек, мы снова встретились.

Вэнь Суй смутно припоминал, что где-то видел этого старика, но не был уверен, пока тот не поднялся, опираясь на трость. Тогда он вспомнил.

— Помнишь, мы встречались тут в прошлый раз?

Это был тот самый старик, которому он помог поднять талон приёма. Вэнь Суй помнил его, но не ожидал увидеть снова. Однако, поразмыслив, он решил, что это не было совпадением, ведь старик окликнул его сразу же при выходе, словно ждал. Вэнь Суй взглянул на Си Чжоу, тот кивнул:

— Сяо Суй, это мой дедушка.

Так вот кто это был! Тогда Вэнь Суй не обратил на него внимания и не знал Си Чжоу. Теперь же, присмотревшись, он заметил, что старик напоминает Си Чжоу, особенно были похожи брови и добрые глаза.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Вэнь Суй.

— Здравствуй, мальчик, — сказал Янь Миншэн, опираясь на трость. — Голова ещё болит? Рана, похоже, серьёзная.

— А где сопровождающие? — медсестра огляделась, но не увидела никого из тех, кто привёз

Вэнь Суя.

Си Чжоу тут же вмешался:

— Его сопровождаю я. У его родителей срочные дела, они попросили меня позаботиться о нём. Вы можете говорить со мной.

Вэнь Суй удивлённо покосился на Си Чжоу, который подошёл и взял историю болезни с совершенно непринуждённым видом.

— Пациент ударился затылком, не исключено сотрясение мозга. Нужно сделать обследование, а также... — медсестра протянула Си Чжоу два листка и, обменявшись с ним взглядами, добавила: — ...вам всё же следует связаться с его родителями. Учитывая его состояние, рекомендуется госпитализация на 24 часа для наблюдения.

— Понимаю, — ответил Си Чжоу, словно знал всё наперёд.

— Чжоу-чжоу, — сказал Янь Миншэн, — иди оплати счёт, а я пока побуду с моим внучком.

Обращение «внучок» удивило Вэнь Суя. То, что дедушка Си Чжоу знал настоящего Вэнь Суя, было нормально, но такая теплота оказалась неожиданной. Судя по словам Вэнь Цунцзяня и Лян Шу, настоящий Вэнь Суй редко виделся с дедом, с Си Чжоу его связывала лишь мимолётная детская дружба, а уж Янь Миншэн и вовсе был ему едва знаком. Как только Си Чжоу ушёл, старик заговорил с Вэнь Суем.

— Мы с тобой, внучок, много лет не виделись, но в прошлый раз в больнице я сразу тебя узнал. Знаешь, почему? — Янь Миншэн интриговал. Он опирался на трость, слегка наклонившись вперёд, и смотрел на Вэнь Суя с таким интересом и любовью, что это было невозможно не заметить. Вэнь Суй, конечно, не мог знать ответа, но, видя воодушевление Янь Миншэна, не хотел разочаровывать старика. Он сделал вид, что думает, и покачал головой. Увидев это, Янь Миншэн засмеялся: — Потому что я видел твои фотографии!

Вэнь Суй всё ещё не понимал, и тогда Янь Миншэн легонько постучал тростью по полу, нетерпеливо желая высказаться, при этом сохраняя некоторую сдержанность.

— Твой дедушка фотографировал своего драгоценного внука и, хвастаясь, заставлял меня смотреть эти фото тысячу раз. Как сейчас говорят... э-э... как же это...

— Манья хвастовства внуком [1], — раздался голос Си Чжоу, в котором смешивались улыбка и лёгкое раздражение.

[1] 炫耀 (xuàn sūn kuáng mó) — китайское сленговое выражение, которое можно перевести как «одержимый хвастовством внуком» или «человек, который без удержу хвастается своим внуком». Это шутовское и слегка ироничное выражение, используемое для описания людей (обычно бабушек или дедушек), которые чрезмерно гордятся своими внуками, постоянно рассказывают о них, показывают фотографии и/или делятся их достижениями.

По идее Вэнь Суй не должен был понять значение этого выражения, но почему-то уголки его губ непроизвольно приподнялись, и, заметив это, Янь Миншэн тут же хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Мой внучок улыбнулся!

Улыбнулся? Вэнь Суй рефлексивно сжал губы. В этот момент подошёл и Си Чжоу. Вэнь Суй был уверен, что не улыбался, но почему-то почувствовал неловкость. Он машинально поднял руку, словно желая скрыть улыбку, но тут же опустил её. После того случая со слезой он учился спокойно реагировать на подобные странности. Если он будет прятать реакции достаточно быстро, то останется прежним невозмутимым Вэнь Суем.

— Ты правда улыбнулся? — Си Чжоу наклонился к нему, задавая вопрос с искренней мягкостью, но, естественно, был проигнорирован.

— Чжоу-Чжоу, почему ты так быстро вернулся? Мы ещё толком не поговорили, — выразил протест дедушка.

Си Чжоу указал на окно кассы в нескольких шагах от них:

— Никакой очереди не было, я оплатил и сразу вернулся. Сяо Суй только что получил травму, ему нужно скорее пройти обследование и отдохнуть. Поговорим в другой раз.

— Ладно, — пробормотал старик, словно обидевшись, и с трудом поднялся. — Тогда я пойду.

Си Чжоу придержал инвалидное кресло Вэнь Суя.

— Подождите, я сначала устрою сяо Суя, а потом провожу вас.

— Не нужно, — отмахнулся Янь Миншэн. — Зачем мне провожатый? Ты же без машины. Я возьму такси. В прошлый раз я тоже сам добрался, всё было в порядке.

— Вы опять про прошлый раз...

— Хорошо-хорошо, не буду, не буду, — Янь Миншэн поднял руки в знак капитуляции.

Вэнь Суй не впервые был в кабинете компьютерной томографии. Следуя указаниям врача, он прошёл два обследования, оформил документы на госпитализацию, и Си Чжоу отвёз его в палату. Там стояли две кровати. Палата пока пустовала, но, видимо, недавно здесь проводилась

дезинфекция — запах был сильнее, чем в коридоре. У Вэнь Суя защекотало в носу, он невольно потёр его, сдерживая чих. Медсестра, стоя у кровати, готовила капельницу.

— Можешь лечь.

Вэнь Суй без слов подчинился. Как только он взялся за поручень, чтобы встать, Си Чжоу поддержал его и спросил медсестру:

— Что это за раствор?

— Противовоспалительный.

Прежде чем медсестра ввела иглу, Си Чжоу внимательно изучил надпись на пакете. Для Вэнь Суя это был первый раз, когда ему ставили капельницу. Сначала он подумал, что это похоже на иглоукалывание, но потом понял, что ошибся. Видя, как игла медленно входит под кожу, он инстинктивно хотел отстраниться. Хотя он не выказал ни малейшего беспокойства, наблюдавший за ним Си Чжоу, спросил:

— Что-то не так? Больно? — голос Си Чжоу всегда был мягким, но в этот раз он звучал ещё нежнее. Даже медсестра не смогла сдержать улыбки:

— Ты, как старший брат, прямо балуешь младшего. Что такого в этой маленькой боли? Рана на голове гораздо больнее, чем укол.

Пока Вэнь Суй отвлёкся, игла уже была введена. Он посмотрел на тыльную сторону своей ладони. Медсестра ловко закрепила катетер пластырем, отрегулировала скорость подачи раствора и дала стандартные рекомендации. Она ошибочно приняла их за братьев, поэтому обращалась к Си Чжоу как к члену семьи, а он не стал её поправлять. Когда медсестра ушла, Си Чжоу приоткрыл окно, а затем вернулся к кровати.

— Тебе удобно так лежать? Может, поднять изголовье?

Вэнь Суй промолчал и вместо ответа спросил:

— Когда они вернутся?

Си Чжоу, наклонившись, проверял угол наклона кровати. Он замялся:

— Ты про дядю и тётю? — на лице Си Чжоу отразилось затруднение. Он сел и аккуратно поправил край одеяла. — У них сегодня неотложные дела, возможно, они не смогут приехать. Ты переночуешь здесь, а завтра посмотрим, как будут обстоять дела.

Он совсем не умел лгать: его пальцы судорожно сжимались, как будто пытались найти опору в воздухе, и эти произвольные жесты выдавали его смущение. Вэнь Суй заметил это, но не подал виду, промывчав что-то в знак согласия.

— Рана ещё болит? — снова спросил Си Чжоу, то ли чтобы уйти от неловкого молчания, то ли желая сменить тему.

У Вэнь Суя и правда немного гудела голова. Временами накатывала лёгкая боль, но по сравнению с тем, что он переживал раньше, это были пустяки.

— Накрой и руки. Окно открыто, пока проветривается может быть прохладно. Вот кнопка вызова — если что-то понадобится, нажми её и придёт медсестра. Лекарство вводится медленно, можешь закрыть глаза и отдохнуть.

Си Чжоу закончил полную заботы тираду, и, всё ещё беспокоясь, снова поправил одеяло Вэнь Суя. Затем он прикрыл окно, немного постоял и вышел. Пост медсестры находился прямо напротив палаты. Вэнь Суй слышал, как Си Чжоу попросил медсестру присмотреть за ним. Наверное, пошёл к бабушке.

Теперь в палате остался только Вэнь Суй. Он поднял глаза на пакет с раствором. Прозрачная жидкость капала, стекала по тонкой трубке к его руке и расходилась по телу. Было действительно холодно, однако эта прохлада помогала ему сохранять ясность ума. Вспоминая плач Лян Шу и нехарактерную для Вэнь Цунцзяня вспышку гнева, Вэнь Суй достал из кармана телефон и открыл список контактов. В нём было всего два контакта: «Папа» и «Мама». Вэнь Суй долго смотрел на экран, но так и не нажал ни на один из них. В конце концов он положил телефон рядом с подушкой и закрыл глаза.

Тяжесть в затылке в темноте стала ощущаться сильнее, в месте ушиба словно извивалась маленькая змейка, вызывая пульсирующую боль. Вэнь Суй дремал в полузабытьи. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он открыл глаза, услышав лёгкий скрип открывающейся двери. Увидев вошедшего, он на мгновение растерялся. В коридоре было светлее, чем в палате, и высокая фигура вошедшего человека, словно принесла с собой свет. Это было почти нереально — даже сам человек казался иллюзией.

— Ты спал? Я разбудил тебя?

Голос приблизился — молодой человек остановился у кровати. Он слегка наклонился, внимательно рассматривая Вэнь Суя, а затем тихо спросил:

— Сяо Суй, как ты себя чувствуешь? Где-нибудь болит?

Это был Си Чжоу... Разве он не ушёл?

— Почему ты вернулся?

Услышав собственный сонный голос, Вэнь Суй с удивлением понял, что произнёс вслух то, о чём только что думал. Си Чжоу поставил два пакета на стол и подошёл закрыть окно.

— Я планировал остаться с тобой, как я мог не вернуться? — он сел у кровати и, взяв свободную руку Вэнь Суя, осторожно коснулся тыльной стороны его ладони. — Не холодно?

Вэнь Суй покачал головой.

— А где твой дедушка?

— За ним ухаживают дома. Сегодня мне не нужно его сопровождать, но я давно его не видел, поэтому пошёл с ним на обследование. Сейчас всё в порядке.

Словно что-то вспомнив, Си Чжоу тихо добавил:

— И хорошо, что я пошёл сегодня, — это было сказано скорее самому себе.

Вэнь Сую показалось что он слышал именно эти слова, но он не был уверен полностью. Си Чжоу, заметив его взгляд, улыбнулся и похлопал по одеялу, а затем обратил внимание на телефон рядом с подушкой. Его взгляд на мгновение задержался на нём, но он быстро отвёл глаза.

— Дядя и тётя говорили, что это случилось после школы, значит, ты не успел пообедать, — Си Чжоу открыл один из пакетов на столе и достал два небольших контейнера. — Хотя время позднее, поешь. Правда, придётся довольствоваться рисовой кашей с овощами.

Си Чжоу помог Вэнь Сую сесть. Тот хотел протянуть руку, но Си Чжоу мягко, но твёрдо остановил его.

— Не шевели рукой, я покормлю тебя.

— Я могу сам, — нахмурился Вэнь Суй, по его лицу было видно, что возражения не принимаются.

Си Чжоу не сдавался:

— Если будешь двигаться, игла может сломаться.

Вэнь Суй, конечно же, не поверил этой фразе, очень похожей на попытку успокоить ребёнка.

— Я могу есть и одной рукой, — он бы скорее согласился остаться голодным, чем позволил себя кормить.

Они молча смотрели друг на друга. Первым сдался Си Чжоу. Ничего не сказав, он открыл контейнер с кашей, положил туда немного овощей и протянул Вэнь Сую.

— Тогда будь осторожен.

Видя, как Си Чжоу открывает второй пакет, достаёт оттуда два тазика и туалетные принадлежности, Вэнь Суй наконец осознал, что ему предстоит провести ночь в этой комнате, пропахшей дезинфицирующим средством. Он заметили ещё кое-что: Си Чжоу принёс только одну порцию каши.

— А твоя еда?

— Я уже поел.

Си Чжоу отнёс тазики в ванную и стал там что-то делать. Вэнь Суй, держа миску с кашей одной рукой, пытался есть. С жидкой частью проблем не возникало, но с твёрдой было сложнее. Он украдкой посмотрел в сторону ванной, затем на палочки, лежащие на столе. Когда Си Чжоу вышел из ванной, вытирая руки, он увидел настороженное выражение лица Вэнь Сую. Си Чжоу, вздохнув про себя, положил салфетки рядом с подушкой:

— Я сейчас выйду. Ешь спокойно, не торопись.

Как только дверь палаты закрылась, Вэнь Суй тут же сел прямо, поставил миску на стол и взял палочки. Однако, не привыкший есть одной рукой, он через пару глотков забыл про капельницу и машинально поддержал миску второй рукой. В результате он задел стойку с капельницей, и та с грохотом упала. Си Чжоу тут же вбежал в палату. Он проверил иглу, нажал кнопку вызова медсестры. Оказалось, он вовсе не уходил, а стоял за дверью.

Иглу всё же пришлось вытащить. Медсестра поставила катетер заново, и, хотя никак не прокомментировала ситуацию, уходя, всё же напомнила Си Чжоу:

— Родственникам нужно внимательнее следить за пациентом. Капельница почти закончилась, а ему пришлось терпеть лишний укол. Он и так худой, вены плохие...

Вэнь Суй смотрел на свою исколотую, в фиолетовых синяках руку, покачивая катетер. Он никак не ожидал, что эта конструкция так хрупка, что её можно повредить даже малейшим усилием. Однако, видя, как Си Чжоу выслушивает нотации, он проглотил готовый было вырваться ответ медсестре:

— Я буду внимательнее. Извините за беспокойство.

— Дело вовсе не в беспокойстве. Главное, чтобы пациенту не пришлось страдать, — спокойно ответил Си Чжоу, принимая всю вину на себя. Вэнь Суй опустил глаза, проведя пальцем по белому пластырю на руке, и почувствовал ещё большую неловкость. Когда медсестра вышла, Вэнь Суй уже приготовил дежурную фразу, но Си Чжоу опередил его:

— Укол был очень болезненным?

Вэнь Суй замер, машинально прикрыв левую руку правой, словно защищая её от взгляда Си Чжоу. Сколько раз его спрашивали об этом? Какая разница, больно или нет? Любая боль рано или поздно проходит, какой смысл спрашивать и заикливаться на этом? Вэнь Суй уже хотел было ответить: «Нет», но Си Чжоу вздохнул.

— Я видел, как медсестра несколько раз пыталась попасть в вену, — это наверняка было больно, — он взял со стола миску с недоеденной кашей. — Ты просто не показываешь боль. Если бы дядя с тётей узнали, они бы очень за тебя переживали.

Вэнь Суй молчал. Слово «нет» застряло у него в горле. Си Чжоу добавил в кашу ещё немного овощей и заменил палочки ложкой.

— Ещё будешь?

Видя молчание Вэнь Суя, Си Чжоу вернул миску на стол.

— Если совсем нет аппетита, не заставляй себя, завтра поешь...

— Покорми меня, — вдруг сказал Вэнь Суй. Затем, словно осознав неловкость ситуации, тихо добавил: — Спасибо.

Оказалось, что быть накормленным не так уж и неприятно. Возможно, всё дело было в том, что его кормил Си Чжоу. Если Вэнь Суй был мастером создавать неловкие паузы, то Си Чжоу, напротив, обладал способностью сглаживать любые острые углы.

— Когда я провожал дедушку домой, он очень беспокоился за тебя. Только что звонил и спрашивал, как ты, — уверенно зачерпнув ложкой кашу, Си Чжоу так же естественно поднёс её к губам Вэнь Суя, продолжая непринуждённую беседу. — Мой дедушка очень

сентиментальный. Ты, наверное, его почти не помнишь, разве что пару раз видел в детстве. Он знает тебя в основном по фотографиям из альбома твоего деда.

Альбом? Не тот ли самый, который искал Вэнь Цунцзянь? Вэнь Суй проглотил кашу, жуя кусочки зелени, и мысли его, сами собой, начали цепляться за слова Си Чжоу. Когда Си Чжоу убрал ложку, его взгляд упал на край миски, а затем он с лёгкой улыбкой посмотрел на Вэнь Суя.

— Но теперь, увидев тебя вживую, он признал, что его старый друг не зря хвастался тобой. Сказал, что ты, повзрослев, совсем не изменился...

На этом месте фраза, казалось, могла закончиться, но интонация явно указывала на продолжение. Однако Си Чжоу не стал говорить дальше. Хотя Вэнь Сую было интересно, какое впечатление оригинальный владелец произвёл на дедушку Си Чжоу, это не имело отношения к восстановлению памяти, поэтому не было необходимости уточнять. Си Чжоу рассказал ещё несколько историй о своём дедушке, про его жизнь в деревне, про занятие сельским хозяйством и наслаждение жизнью на пенсии. Это были обычные бытовые истории, не требующие особого внимания. Так, за разговорами, миска каши опустела.

После этого Си Чжоу прибрал на столе. Заметив, что капельница почти закончилась, он позвал медсестру, чтобы та её сняла. Когда катетер убрали, рука наконец-то освободилась. Для Вэнь Суя это была первая в жизни капельница, и он невольно напрягал мышцы. Теперь он наконец мог расслабиться. Пока Си Чжоу разговаривал с медсестрой, Вэнь Суй взял телефон и посмотрел на экран. Ни пропущенных звонков, ни сообщений, время — половина десятого вечера.

— Ты играешь в игры на телефоне? — неожиданно спросил Си Чжоу, увидев, что Вэнь Суй смотрит в телефон, после того как медсестра ушла. Вэнь Суй, конечно, не понял о чём он:

— Игры?

Си Чжоу достал свой телефон:

— Ну, игры на телефоне, чтобы скоротать время. Если ты ещё не хочешь спать, я могу научить тебя играть.

Вэнь Суй молча отложил телефон, не проявляя интереса.

— Или могу рассказать о твоём дедушке... — Си Чжоу поправил очки, словно обдумывая, чем ещё его развлечь.

— Мне не больно, и меня ничто не беспокоит. Не нужно так стараться, — наконец произнёс Вэнь Суй.

Си Чжоу замер, удивлённый пронизательностью Вэнь Суя.

— Ты заметил?

Вэнь Суй подумал, что просто Си Чжоу слишком явно старался — как и тот врач, который накладывал швы. Оба пытались отвлечь его внимание, поэтому говорили больше, чем нужно.

— Но раз ты это заметил, значит, тебе всё же больно, иначе ты бы ничего не почувствовал, — Си Чжоу понимающе улыбнулся и направился в ванную. — Сегодня тебе нельзя принимать душ, так что налью горячей воды, чтобы ты мог обтереться, а потом пораньше ложись спать.

Услышав это, Вэнь Суй, который до того момента был довольно вялым, тут же сел. Он хотел встать с кровати, но вдруг почувствовал, что что-то не так. Ноги были ватными, совершенно не слушались его: малейшее усилие отдавалось тупой болью в голове. Из ванной комнаты доносился шум воды. Вэнь Суй, стараясь удержать равновесие, посмотрел на инвалидное кресло, стоявшее у двери.

Си Чжоу, хотя и набирал воду, всё время поглядывал в сторону палаты. Поэтому, когда Вэнь Суй, держась за стол, добрался до стены, а затем, опираясь на неё, медленно двинулся к

креслу, Си Чжоу едва сдержался, чтобы не подойти и не поддержать его. Он подумал, что Вэнь Суй просто не хочет помощи, потому решил воспользоваться креслом. И, когда Вэнь Суй наконец сел в кресло, Си Чжоу решил, что пора появиться и помочь. Однако, к его удивлению, положив руки на колёса, Вэнь Суй снова отказался от помощи. Этот жест мгновенно всё прояснил Си Чжоу. Вэнь Суй попытался самостоятельно сдвинуть коляску, как это делала Жань-Жань. Со стороны казалось, что колёса должны легко вращаться, но на самом деле это было не так просто, тем более для хрупкой девочки.

— У неё немалая сила... — искренне заметил Вэнь Суй. Он не назвал имени, но Си Чжоу понял, о ком идёт речь.

— У неё, конечно, сильные руки. Ты бы сейчас с ней не справился, — Си Чжоу подошёл к креслу и взялся за ручки. — Но для неё это не предел. В этой девчонке скрыта гораздо большая сила, чем ты можешь представить.

Вэнь Суй повернулся и вопросительно посмотрел на Си Чжоу, словно не до конца понимая. Си Чжоу редко видел Вэнь Суй таким. Обычно Вэнь Суй смотрел на всё с безразличием, а его холодная и отстранённая манера поведения заставляла окружающих думать, что он совсем не похож на шестнадцатилетнего подростка.

Сейчас же Вэнь Суй с забинтованной головой сидел в большом инвалидном кресле. Его бледное лицо почти сливалось со светлыми стенами палаты, он казался прозрачным, словно вот-вот растворится в воздухе. Точно так же, как и та девушка в коляске, он казался хрупким и слабым, но в них обоих ощущалась необычайная внутренняя сила, которая не позволяла относиться к ним как к слабым или недооценивать их. Однако, в отличие от искреннего сочувствия и поддержки, которые Си Чжоу испытывал к Жань-Жань, каждый раз, встречаясь с тёмными глазами Вэнь Суй, он испытывал совершенно иные чувства. Сначала — холодный, отталкивающий взгляд, как ледяная бездна, а затем — ощущение скрытой тайны, которую хотелось разгадать.

Сейчас же, когда Вэнь Суй смотрел на него, — если использовать не совсем подходящее сравнение, — Си Чжоу казалось, что на него смотрят влажные глаза маленького зверька. Это было странное, противоречивое ощущение, но чем дольше он смотрел, тем больше смягчалось его сердце. Си Чжоу тихо вздохнул и, обойдя кресло, присел рядом с Вэнь Суй. Вэнь Суй не понимал, что он задумал. Теперь, вместо того чтобы смотреть сверху вниз, он смотрел снизу вверх, и расстояние между ними казалось меньше. Обычная улыбка Си Чжоу стала особенно тёплой и душевной.

— У этого кресла есть ещё одна функция, — Си Чжоу легко включил пульт управления, и Вэнь Суй почувствовал, как кресло само собой немного продвинулось вперёд. — Оно может ездить само, — объяснил Си Чжоу. — Не нужно ничего делать, чтобы двигаться вперёд. Это очень удобно.

Оба увидели в глазах друг друга то, что хотели выразить, как и в тот раз, когда они услышали, как Лян Шу назвала Жань-Жань «бедняжкой». Они снова почувствовали полное единодушие.

— У Жань-Жань такое же кресло, — продолжил Си Чжоу.

— Но она всё равно предпочитает пользоваться собственными руками, — отказавшись от лёгкого пути, она выбрала тернистый.

— Да, ты прав, она предпочитает полагаться на свои руки, — Си Чжоу опустил голову, взявшись за край колеса. — Глупо, правда? Но она говорит, что руки нужно использовать, чтобы они стали ещё сильнее. Если привыкнуть лениться, однажды руки перестанут работать, — его голос, как всегда, был спокойным и ровным, но каждое слово падало прямо в сердце Вэнь Суя. — Родители Жань-Жань очень любят её. Хотя они не богаты, они дают ей всё самое лучшее, заботятся о ней и материально, и духовно. Поэтому Жань-Жань такая замечательная. Она всегда говорит: «Я не скрываю свои ноги, можете на них смотреть, я не боюсь. Они — часть меня. Но мои руки тоже часть меня, почему вы видите только мои ноги, не замечая рук? Я хочу, чтобы вы чаще смотрели на мои руки. Они — моя сила, моя уверенность. Я обязательно сделаю их сильнее, чем у кого-либо другого. Я смогу». Я никогда не забуду её взгляд, когда она сказала это, настаивая на том, что хочет, может и будет заниматься стрельбой из лука.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130087>